

Живет в Кингисеппе (Россия).

Морской бой

А-семь, а-восемь. Последний взрыв.
Летят осколки. Грохочут глыбы.
И твой трёхпалубный, волны взрыв,
ушёл в пучину, на радость рыбам.
Но два матроса с него спаслись,

в разбитой шлюпке с веслом-калекой
они, спеша, покидают лист,
бегут из клеточек, как из клетки.

Там, на тропических островах,
на берегу голубой лагуны,
они забудут и кровь, и страх,
заполнят ложью времён лакуны.
Там, где песком серебрится пляж,
они начертят два поля боя,
сражаться станут, впадая в раж:
е-семь, е-восемь – как мы с тобою.

Питерский Одиссей

Между Сциллой заката
и Харибдой рассвета
проползёшь, прошуршишь, словно уж,
в ночь безмерной свободы,
в ночь античного лета,
никому не отец и не муж.
Если ты в самом деле
одинок во вселенной,
распахни свои зрение и слух,
пусть мигают Плеяды,
пусть взывают сирены,
пусть летит вдоль поребриков пух,
дорогую дорогу
для тебя выстилает,
для твоих утомлённых ступней.
Где-то Цербер брехливый
оглушительно лает,
Агамемнон выводит коней.
И не просто среди ночи
докопаться до сути
и решить уравнение в лоб,
если кто и разделит
дармовые досуги –
лотофаги, Цирцея, циклоп.

Сундук Мертвеца

Сундук Мертвеца – это, в сущности, гиблое место,
пустая скала посреди океанских широт.
Сядь рядом со мной, здесь, на камне, нисколько не тесно:
послушаем струны "Marooned" от группы "Pink Floyd".

И музыка будет, пока не умрут батарейки,
а после запустим си-дишку блином по волне,
в немой горизонт, в никуда, в белый свет, как в копейку,
и этого будет довольно для счастья вполне.

Сжимая в руке полбутыли пиратского рома,
разделим по-братски последний горячий глоток,
и мир станет светлым и тёплым, а небо – огромным,
запляшет по жилам живой электрический ток.

А эти стихи, что пришли, как обычно, случайно,
в бутыль запечатаем прочно и пустим в народ,
по почте морской под приглядом внимательной чайки,
возможно, за пару веков до кого и дойдёт.

Страницы автора в Сети

[45-я параллель](#)
[Самиздат](#)
[Стихи.Ру](#)

